

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

ФРЭНК ХАЙЛЕР

КРОВЬ НЕЗНАКОМЦЕВ

Настоящие истории из отделения
неотложной помощи

КЛАССИКА МЕДИЦИНСКОЙ ПРОЗЫ

Фрэнк Хайлер
Кровь незнакомцев. Настоящие
истории из отделения
неотложной помощи
Серия «Невыдуманные
истории от первого лица»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68756208
Ф. Хайлер. Кровь незнакомцев. Настоящие истории из отделения неотложной помощи: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-136855-5, 978-1841-15445-9

Аннотация

Изысканно составленный сборник захватывающих медицинских заметок в стиле чеховской прозы. Великолепно запечатленный драматизм будней отделения неотложной помощи.

В этой книге Фрэнк Хайлер – поэт и врач из Альбукерке – в форме коротких рассказов проливает свет на ту сторону медицины, где каждое ускользающее мгновение врачебных будней вплетается в канву жизни или смерти тяжело больных или искалеченных людей. Он знакомит нас со множеством интересных персонажей, которыми становятся не

только пациенты, но и коллеги: практикующая колдовство нейрохирург; хирург-травматолог, неожиданно совершающий самоубийство; раненый убийца и человек, которого преследует в пустыне Нью-Мексико смертоносная ракета. Временами сюрреалистичная, временами лиричная, временами жестокая и ужасающая книга «Кровь незнакомцев» – трогательный писательский дебют представителя одного из самых сложных направлений современной медицины.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Неизвестный преступник	6
Вступление	14
Мягко сквозь темноту	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Фрэнк Хайлер
Кровь незнакомцев.
Настоящие истории
из отделения
неотложной помощи

Frank Huyler

The Blood of Strangers: True Stories from the Emergency Room

© 1999 The Regents of the University of California

© В. Н. Махаева, перевод, 2021

© Л. М. Каджелашвили, перевод, 2022

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Моим папе и маме – Фрэнку и Марине Хайлер

Неизвестный преступник

Один был мужчина средних лет, лысеющий, другой же – молодой, страдающий избыточным весом, и оба ужасно вопили, когда их ввели на каталках. Между тем никаких предупреждений по радио не поступало.

Санитары действовали оперативно, активно перемещаясь и тяжело дыша.

– Множественные огнестрельные ранения, – сообщили они, – состояние нестабильное.

Заранее передать информацию о происшествии не представлялось возможным, все случилось совсем недалеко, а работы оказалось очень много, поэтому времени не оставалось.

Я подхватил молодого. Он лежал, обливаясь потом, а на шее виднелось красно-синее отверстие.

– Я не чувствую ног, – кричал он снова и снова. – Мои ноги не двигаются.

Эти звуки в ограниченном пространстве словно обретали реальную физическую силу. Мы незамедлительно подвесили контейнер с кровью, и когда ледяные темно-красные капли нашли путь к телу мужчины, его лицо застыло мраморной голубой маской, такую мне довольно часто приходилось наблюдать в этой комнате.

Вывешенный на доске рентгеновский снимок показал пулю. При увеличении она выделялась белыми очертаниями на

фоне серости грудной клетки, как раз под самым сердцем. И пока мы бежали из холла к лифту в направлении операционной, толкая дребезжащую каталку, словно тележку из супермаркета, я услышал, что сестра позади меня передала сообщение по телефону.

– Они уже поднимаются, – сказала она. – Готовьте операционную.

В лифте, на исходе долгой минуты тишины, молодой человек поднял глаза на меня, и я ощутил его руку на своей.

– Пожалуйста, – произнес мужчина, словно маленький мальчик, готовый удариться в слезы, – я не хочу умирать. Не дайте мне умереть.

– Вы не умрете, – отозвался я, совсем при этом не исключая подобного исхода. – Мы позаботимся о вас.

Пуля прорезала аорту, разорвала легкое и, преодолев диафрагму, застряла в животе. Пациент лежал на боку с раскрытой грудной клеткой, в то время как хирурги чертыхаясь пытались решить непростую задачу. Обеими руками я держал его бьющееся сердце, следя за тем, чтобы оно не перекрывало хирургам зону обзора. Эта грудь напоминала исковерканный чан, темный, обильно наполненный и не пересыхающий ни на мгновение.

– Черт возьми, с этим парнем нам придется попотеть, – сказала, вычерпывая пригоршнями густеющую кровь, Роза, врач-ординатор.

Она видела, что капли красной жидкости, намочив опера-

ционные простыни, уже текли прямо на пол. Капельки пота прозрачными бусинками выстроились на переносице поверх ее маски, теперь они падали в рану одна за другой.

Крови было так много, что приходилось действовать едва ли не наугад, оставляя множество бесполезных стежков до тех пор, пока некоторые из них не попали в цель и не сели крепко. Тогда от кровотечения остались лишь сочащиеся раны. К тому времени, несмотря на все усилия анестезиолога и работавшую на полную мощность систему обогрева, тело пациента было уже холодным, а кровь под воздействием кислоты неумолимо теряла способность свертываться.

– Ладно, – сказал доктор Блэйк (врач-хирург), – сейчас нужно остановиться, и будем надеяться, что его состояние не выйдет из-под контроля.

Впереди нас ожидала долгая ночь в отделении интенсивной терапии: пакеты для переливания крови пустели один за другим, и организм молодого человека сверх того принял довольно щедрую порцию плазмы. К утру узнать парня было практически невозможно: он был весь в синяках, с опухшим лицом, но как ни странно живой. Когда в предрассветных сумерках я пришел навестить его, обнаружил возле кровати сидящего на стуле полицейского с журналом в руках. Увидев меня, служитель закона зевнул, отложил журнал и вышел, чтобы побеседовать со мной.

– Это и есть плохиш, – сказал он, указывая на чудовищно перекошенного человека. – Мы полагаем, что за прошлый

год он убил как минимум двоих продавцов ночных магазинов.

– Неужели?

Полицейский кивнул.

– Этот парень прикончил обоих после того, как забрал деньги, – большим и указательным пальцем коп изобразил стреляющий пистолет. – Целился прямо в голову. Мы искали его целый год.

Я смутно помнил детали преступления: эти новости были на первой странице: продавцы ночного магазина застрелены неизвестным нападавшим. И вот я уже глядел на нашего пациента словно бы впервые. Он оставался абсолютно недвижим, позволяя машинам делать свою работу.

Полное изложение истории мне удалось получить от другого раненого. Хотя этот человек и не был моим пациентом, я все равно зашел его проведать тем утром. Рэй Солано занимал палату в том же коридоре и, как оказалось, родился в рубашке.

Пациент был в сознании, и ему была уже не нужна вентиляция легких, а когда я вошел к нему в палату, он посмотрел на меня с испугом. Рэй получил ранение в грудь, но пуля каким-то образом обогнула ребро и вышла через спину, не повредив ни одного жизненно важного органа. В скором времени его должны были перевести из отделения реанимации.

– Мистер Солано, – обратился я к пациенту, – простите за то, что беспокою вас так рано. Как вы себя чувствуете?

– Живой, – ответил Рэй и покачал головой, протягивая мне свою ладонь.

Он приветствовал меня рукопожатием, несмотря на то, что я ничего для него сделал.

– Что произошло? – мужчина взглянул на меня, и я понял, что в его глазах стоят слезы.

– С самого начала, как только этот парень зашел в магазин, я знал, что он что-то выкинет. Он спросил, можно ли устроиться на работу, но я ответил, что никого не нанимаю, – мистер Солано устремил взгляд в потолок и глубоко вздохнул.

– Затем он спросил о том, где у меня сейф, и я увидел в его руках пистолет. Я ответил, что сейф находится в задней части магазина, и тогда парень просто выстрелил в меня. Сразу, ни о чем больше не спросив. И я знал, что он сделает это снова.

Сейчас, отвернувшись от меня, Рэй плакал уже всерьез, тогда я перестал терзать его вопросами, извинился и вышел из палаты.

Пробелы в повествовании мне помогла заполнить сестра.

– Он знал, что может получить еще одну пулю, – сказала она шепотом. – Тот человек, – девушка показала в сторону палаты, где лежал мой пациент, – потащил его в заднюю часть магазина, туда, где стоял сейф, и приказал открыть его, а затем потянулся к револьверу.

Я представил эту схватку: раненый мужчина средних лет,

Рэй Солано, борется с противником значительно моложе себя и каким-то образом умудряется перенаправить оружие против самого нападавшего и нажать на спусковой крючок. Затем пошатываясь он добирается до телефона.

– Кровь там была повсюду, – сказал мне полицейский, – как будто кто-то размазал ее шваброй по всему холлу.

Тем вечером моего пациента показали по телевизору. Это была главная новость дня. Транслировались кадры со сценой преступления и приездом скорой помощи, а также нечеткие черно-белые записи с камер наблюдения, запечатлевшие детали убийства. На них у кассы можно было рассмотреть крупную, но совершенно не поддающуюся опознанию фигуру злоумышленника. Демонстрировали и тот эпизод, когда преступник вытягивал руку, как бы показывая на стоящих впереди мужчин, затем появлялись две аккуратные вспышки, и облачка дыма выстреливали жертвам прямо в лицо. Люди, будто каменные статуи, валились на пол, и изображение, искаженное маленькой широкоугольной линзой, получалось странным, казалось, что камеру уронили в наполненный водой кувшин.

Через несколько дней мой пациент начал приходить в себя, и в вентиляции легких уже не было необходимости. Я заходил к нему каждое утро, и молодой человек, открывая глаза, стал поворачивать ко мне голову. Черный поток густых волос уже касался изгиба его плеч. По мере восстановления организма облик молодого человека все больше начи-

нал напоминать человеческий. Он заговорил, стал обращаться к сестре с просьбой принести лед, и хватило двух дней, чтобы свет жизни вновь зажегся и парень возвратился в наш мир в полной боевой готовности.

– Спасибо, сэр, – с выражением признательности сказал он, когда я над ним наклонился. – Спасибо за то, что спасли мне жизнь.

– Это не моя заслуга, – ответил я. – Скажите спасибо хирургам.

– Тогда со мной в лифте ведь были вы, не так ли?

– Да.

– Я вас помню, – а потом тихо добавил, – как вы думаете, смогу ли я снова ходить?

– Я не знаю. Пока рано делать выводы.

Молодой человек был неизменно вежлив. Он благодарил меня каждый раз, когда я заглядывал к нему, и его голос казался по-детски любознательным. Я обнаружил, что постоянно верчусь в его палате и что-то для него делаю: поправляю подушки, приношу стакан воды: его аура таила в себе необъяснимое очарование, и медсестры также не могли этого не заметить. Казалось, что на парне не лежит никакой вины и его совесть неотягощена бременем содеянного. Облегчение, которое он испытал, узнав о том, что жертва его нападения выжила и скоро отправится домой, было неподдельным. Это означало, что в третьем убийстве его уже нельзя было обвинить. Улик по другим двум делам было явно недостаточно,

и он об этом прекрасно знал, как и полиция.

— Этот негодяй может улизнуть, — сказал полицейский, качая головой. — Черт бы побрал эту жизнь.

Каждое утро, разбросав по подушке густые непричесанные волосы, он говорил, провожая меня темными глазами и улыбаясь: «Добрый день, доктор Хайлер». В этот момент я радовался, ощущая уверенность в том, что этот человек не представляет для меня угрозы. И каким бы слабым сейчас он ни был, я был счастлив, что мне не довелось оказаться на месте Мистера Солано: неподготовленным, наедине с этим человеком.

И каждый день я помогал ему на пути к выздоровлению.

Вступление

Я был счастливым обладателем универсала *Mercury* 1972 года с неисправным цилиндром. Когда на исходе лета пришло время отправляться из Бостона в медицинский колледж Северной Каролины, мой железный конь с усердием насоса извергал клубы дыма, оставляя за собой шлейф по всему западному побережью. Так что в зеркале заднего вида отражалась пелена голубого тумана. Автомобиль напоминал ползущую ракету: у меня на лбу выступали капли пота, кожаный салон лип к телу, а заднее отделение было забито одеждой и коробками с другими вещами.

В Нью-Йорке было 37 градусов тепла, и, стоя в пробке на *Verrazano Narrows Bridge*, я заметил, что стрелка датчика температуры зашкаливала. Между тем на противоположной стороне дороги в многоквартирных домах люди в майках спокойно поглядывали из открытых окон на проезжающие машины. Чтобы остудить двигатель, я включил печку на полную мощность, тогда температура в салоне подскочила едва ли не до 40 градусов, и в какой-то момент все вокруг как бы замерцало, пока, наконец, автомобильная колонна не начала свое движение. Свежий воздух проскользнул внутрь сквозь окно, и по телу побежали мурашки.

Я снял маленький домик на окраине университетского городка, не имея ничего, кроме старой машины, кота, гитары,

скромного гардероба и пары настенных плакатов. Новые заботы навалились на меня так же, как тяжелое, влажное тепло южного штата: деканат, заполнение документов, необходимость раз за разом писать свое имя и неподвижно сидеть перед камерой. Вечерами я готовил пасту и, захватив баночку пива, располагался с ужином на крылечке, наблюдая за стужающимися грозowymi тучами. Тем временем мой кот Тим рыскал в густом перелеске на склоне холма. С наступлением темноты кот приносил домой мышей и птиц, но его добыча уже напоминала комки мокрой ткани, и иногда, направляясь из кухни на кушетку в гостиной, он оставлял полосы кровавых следов на линолеуме. Я жил один и не вытирал их порой несколько дней, а когда брался за уборку, кровь уже высыхала и была легкой, словно порошок.

Тем летом грозы в Чапел-Хилле казались мощными и красивыми, и, лежа в темноте, я прислушивался к глубоким звукам дождя и низким частотам грома. Так я и засыпал, чтобы вновь открыть глаза навстречу нарастающим звукам ливня, молниям, выстреливающим все чаще, и неудержимому, с шумом спускавшемуся с крыши по желобу потоку дождя. А потом возвращался Тим и стучал лапой в сетчатую дверь до тех пор, пока я не вставал с кровати, чтобы впустить его. Попав внутрь, кот урча запрыгивал на кровать, а я чувствовал его влажную шерсть и вдыхал аромат травы, проникавший в комнату вслед за ним.

На первом занятии по анатомии мы молча тарасились на

нечто, лежащее на каталке. Мой товарищ уже успел обзавестись черной кожаной сумкой: ее он получил в подарок от своей семьи. На ручке красовалось его имя. Он был маленьким и темненьким, шатен с карими глазами, казавшийся довольно хрупким. На нас были новые белоснежные халаты, и руки еще не пахли формалином, по телу пробежала легкая дрожь, и в охлажденном помещении волосы на руках вставали дыбом. Мы представились друг другу.

– Я Тони, – сказал он, – очень рад нашей встрече.

В ту же секунду преподаватель раскрыл лежащий перед нами труп. Это был 62-летний мужчина. Некоторое время спустя, когда нам удалось свыкнуться с этим фактом, мы, разрезая тело, стали аккуратно обходить татуировки на коже, бережно сохраняя их, словно фотографии, сложенные возле его целой и неповрежденной головы. Мама. Красная роза и фигура женщины. Эмблемы морской пехоты США.

Когда мы добрались до раковой опухоли в его легком, лезвие скальпеля будто бы наткнулось на песок. После занятий в классе мои руки еще долго помнили то ощущение. Что-то инородное, серое, словно туман или гравий, было там, в верхней части органа. То, что мы делали, было сильным и пугающим, потому что, даже разрезая этого человека по фрагментам, я знал, что он когда-то на самом деле жил, ему было что рассказать и он смотрел на бесконечную морскую гладь с палуб кораблей. Я мог впустить все эти чувства, когда мне этого хотелось. По большей части я все же решал этого не

делать. Ведь речь шла об анатомии.

Три недели спустя мы уже несли к раковине его ногу, а затем вымывали позеленевший стул из сегментов прямой кишки. Для первого раза событий было слишком много, и мне пришлось выйти на балкон, чтобы глотнуть воздуха. Он был горячим и недвижимым, я держался за поручни, глядя на сосновый лес, раскинувшийся на мили вперед вблизи городской черты, и знал, что должен вернуться внутрь. Тем не менее я продолжал стоять, выпуская на волю подступающую тошноту, до тех пор, пока кто-то не отворил дверь позади меня.

– Ты в порядке?

– Все хорошо, спасибо, Тони, я буду через минуту.

Мягко сквозь темноту

Я не мог поверить в то, что Уильям не призрак. Он напоминал тех изможденных людей из далекого прошлого, которые за колючей проволокой моргая ожидали прихода спасительных союзных армий. Молодому человеку было немногим больше тридцати, и единственное, что он не перестал делать, оказавшись на больничной койке, – жевать ледяные чипсы. Некоторое время спустя я начал четко различать этот звук – хруст ледяных осколков на его зубах. Парень был спокойным, внимательным и сейчас хотел лишь одного. Именно для этого теперь он возвратился домой, после стольких лет, проведенных в Атланте.

– Могу ли я что-нибудь для вас сделать? – спросил я, пожав ему руку в день нашей первой встречи.

Тогда я был еще студентом, а сейчас бы вряд ли позволил себе быть столь непосредственным.

– Конечно, – ответил он. – Вы можете вколоть мне двести миллиграммов морфина за раз.

А когда повисла неловкая пауза, он улыбнулся.

– Это шутка, – пояснил он слабым голосом и отвернулся от меня, глядя в окно.

Дело было весной, и на безукоризненно прополотых больничных клумбах благоухал цветущий кизил. В это время я часто замечал, что взгляд пациента был обращен в сторону

садов, раскинувшихся за пределами парковочной территории. Машины приезжали и уезжали, солнечный свет наполнял окна, и медсестры заходили в его палату, принося с собой аромат свежего воздуха. Он же лежал и тихо наблюдал за тем, как продолжается жизнь, как она бурлит и плещет через край. В конце дня начинали собираться грозовые тучи, и он говорил, что с нетерпением ждет их приближения.

Члены его семьи понятия не имели, как подступиться к нему, что делать, что говорить, но что бы ни случилось, они приходили каждый день навещать больного: отец и мать жили в соседнем городе, на вид им можно было дать около 65 лет, по стилю одежды сестры, напряженной и энергичной девушки, можно было угадать, что она пополнила ряды офисных служащих. Все втроем они рассаживались возле его кровати и вели тот самый разговор ни о чем. Беседовали о походах в гости, о свадьбе, о Макгрегорах, которые по неизвестной никому причине продают дом и переезжают во Флориду. Об открытке, переданной прихожанами, о соседях через улицу, которые не забывали помолиться о его здоровье.

– О да, – говорил он, – в детстве я косил их лужайку. Как мило, что они все еще обо мне помнят.

Позже, когда они уходили, мужчина общался со мной. Ни он, ни я не были очень заняты в тот период жизни.

– Отец и мать до сих пор не могут смириться с тем, что я умираю, – говорил он. – Я просто не знаю, что им сказать. Они никогда об этом не забывают. И в беседах нужно быть

всегда осторожным.

Однако не верить в то, что он умирает, было невозможно. Его родители обсуждали со мной этот вопрос. Им хотелось узнать, сколько ему осталось жить.

– Я правда ничего определенного не могу сказать, – отвечал я. – Может быть, несколько недель, а возможно, считанные дни. Мне очень жаль.

Тогда его отец заплакал, но старался не показать мне своих слез.

– Мой муж – честный человек, – говорила жена после того, как мужчина вышел из кабинета. – Всю свою жизнь он ходил в церковь каждое воскресенье. О своем сыне он молится каждую ночь. Он просто не понимает, почему все происходит именно так.

Потом как-то раз его сестра отвела меня в сторону.

– Мама с папой не догадываются, зачем на самом деле Уильям уехал в Атланту, – сказала она. – Они не могли понять, почему он променял учебу в колледже на работу водителя лимузина в том городе. Мне нельзя было им говорить, – она замолчала и отвела глаза. – Возможно подспудно они догадывались. Думаю, что сейчас это уже не важно. Вчера мама сказала, что он напоминает Иисуса, страдающего на кресте. Я согласна, а вы как думаете? – добавила она, немного погодя.

Однажды днем я пришел к нему в палату: за окном бушевала гроза, гром был таким сильным, что, казалось, каждый

мог ощутить его глубоко внутри себя. Оконный проем прошивали молнии, ветер трепал верхушки деревьев у парковки, а затем серая пелена дождя начала расстилаться над машинами до тех пор, пока не поглотила окно палаты, и тогда где-то наверху водостоки начали клокотать, словно фонтаны.

– Разве не великолепно? – с улыбкой спросил он меня, растворившись в моменте. – Красиво.

Какие-то люди бежали через всю парковку, чтобы обрести безопасное укрытие в салонах своих автомобилей, а с проходившего поблизости шоссе начал бить дальний свет других проезжавших машин. Через несколько минут все прекратилось: на небо возвратилось сияющее солнце, а лужи, занявшие непозволительно много места на черном асфальте тротуаров, начали высыхать прямо на глазах.

– Знаете, – сказал он, – однажды в Атланте я видел слайды одного известного мастера перформанса. Забываю его имя. Не важно. Он засыпал парковку битым стеклом. Была ночь, но он включил все лампы дневного света, и сияние стало отражаться в осколках. Понимаете, о чем я?

Я в недоумении покачал головой.

– Ну, он полз на животе по парковке, засыпанной стеклом. А затем позвал фотографов, чтобы те сделали снимки. Когда художник поднялся на ноги, он был весь в крови, но при свете ламп она казалось черной. Знаете, как он назвал это творение? «Нежно сквозь темноту», – и пациент засмеялся.

– Я всегда сожалел о том, что не учился в университете, –

сказал он немного погодя, — но сейчас я думаю, что этот парень не понимал, о чем говорил.

Через несколько дней больной решил отказаться от пищи. Никакой еды, в меню только вода, морфин и ледяные чипсы. «А какой смысл?» — заявил он. Это была пятница перед выходными по случаю Дня памяти, меня ждали три дня отдыха. Я сказал ему, что обязательно загляну, когда вернусь.

Он поднял на меня глаза.

— Будьте осторожны, Фрэнк, — сказал он. — Столько аварий случается именно в День памяти. Я бы не хотел, чтобы с вами что-то произошло. У тебя вся жизнь впереди.

Я пожал ему руку и поблагодарил, а перед тем как уйти, взял его на руки и помог занять более удобное положение на подушках: он был настолько слаб и невесом, что не мог двигаться самостоятельно, а мне не составляло труда переместить его.

— Вы, наверное, должны помыть руки, — напомнил он, когда мы закончили.

Я так и поступил. Открыв кран над раковиной, позволил воде и хирургическому мылу обволакивать мои ладони, запястья, оголенные предплечья и локти. Как приятно было чувствовать прикосновения воды.

Он остановил меня снова, когда я уже оказался у дверей палаты.

— Если когда вы вернетесь, мы не пересечемся, — объявил он, — хочу сказать спасибо за все, что вы для меня сделали.

– Не беспокойся, мы еще с тобой увидимся.

– Без обид, – отвечал он на мои слова, – но надеюсь, что нет.

Утром во вторник, когда я открыл дверь в его палату, я почувствовал это. Я знал, что мне предстоит обнаружить. На кровати можно было разглядеть фигуру человека. Далеко за окном наполненные солнечным светом и легким ветром раскачивались и клонились из стороны в сторону тополя. Когда дверь хлопнула, человек сел и повернулся ко мне: молодой, кровь с молоком, красивые черты лица и встревоженный взгляд карих глаз, словно внезапно его пробудили от глубокого сна.

– Прошу прощения, – проронил я, уставившись на него, – должно быть, я ошибся дверью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.